

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПАРАДИГМЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ФИЛОСОФИИ

УДК 1 (091)

Суверенность и собственность в истории европейского самосознания*

Н. В. Кузнецов, А. М. Соколов

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: *Кузнецов Н. В., Соколов А. М. Суверенность и собственность в истории европейского самосознания // Философия истории философии. 2022. Т. 3. С. 106–119. <https://doi.org/10.21638/spbu34.2022.107>*

В статье предпринята попытка реконструкции истории западного самосознания в контексте развития понятий «собственность» и «суверенность». Правомерность такого подхода авторы обосновывают тем, что именно понятие о собственном как наиболее очевидном и достоверном предпосылает возможность постановки проблемы об истоке всего сущего. Ведь именно с нее начинается философия не только как специфическая форма знания, но и — как высшая форма самосознания западной цивилизации. Кроме того, антропологическая доминанта, изначально присущая философской мысли теоретико-созерцательного, задает практический аспект, который схватывается понятием о суверенности. Авторы последовательно рассматривают античный, средневековый, новоевропейский и современный периоды истории Запада, реконструируя динамику понимания собственности и суверенности, в которой отразились основные черты цивилизационного развития. В статье подчеркивается, что в период античного космоцентризма сложилось эстетическое понимание своего собственного, реализуемое посредством публичной его демонстрации в художественной и политической самодетельности. Теоцентризм Средневековья «переориентировал» понимание собственного на внутреннее содержание бытия человека, принципиально противопоставив интимную сущность личности искушающей греховности окружающей действительности. Новоевропейский эгоцентризм, следующий в парадигме спекулятивного рационализ-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (Проект № 22-28-00779 «Суверенность и суверенитет: логика и антиномии глобальной цивилизации»).

ма, сущность собственности и как следствие проявление суверенного статуса индивида утвердил в деятельном разрешении противоречия внутреннего и внешнего, развернутого во временном измерении исторической реальности. Согласно точке зрения автора, сущность буржуазного мира, в котором воплотилось принципиальное противопоставление самодостаточной субъективности и отличной от нее естественной стихии, выразилась универсальностью мировой истории. А основное противоречие, характеризующее настоящее состояние современной цивилизации, определяется постепенным размыванием границ, структурирующих сущность субъективности, и свидетельствует об утрате ею суверенности и продуктивного потенциала.

Ключевые слова: субъективность, собственность, суверенность, общение, деятельность, буржуазная цивилизация, отчуждение, история.

Философия как учение о бытии, о сущем, о существенном (онтология), как учение о познании (гносеология) или как учение о ценностях (аксиология, охватывающая эстетику и этику) и тем более как учение о человеке (антропология) может быть только социальной. Ведь все то, к чему обращается наша мысль, включая ее саму, — в своем основании и первоначальном определении социально. Претензии метафизиков, феноменологов, психоаналитиков, нейрофилософов на проникновение в пред-, под-основание сущего — проявление лукавого самомнения.

Если мы полагаем себя в пространстве мысли, мышления, то мы по умолчанию полагаем их первичность и безусловность. Ис с этой точки зрения мышление в буквальном смысле не только метафизично, т. е. пред-природно, но и — онтологично, так как оно задает логосный строй бытию, осуществляя его в мироустройстве, или попросту — в мире. Такова собственно философская позиция. Вместе с тем первичность мышления не избавляет нас от уяснения того, что оно есть само по себе.

Самоочевидность мышления обнаруживает себя в нашем общении. Общение — первичный, т. е. не редуцируемый ни к чему элемент мышления. Упреждая возможное замечание по поводу достаточно разнообразных способов взаимодействия среди животных, следует указать на принципиальное отличие взаимодействие-общение людей от того, что мы наблюдаем в мире фауны. Человеческое общение всегда избыточно. Его результат всегда превосходит любую потребность, удовлетворение которой предполагает то или иное взаимодействие людей. Строго говоря, именно в избыточности человеческого взаимодействия обнаруживает себя сверхприродная, т. е. в буквальном смысле сверхъестественная, духовная, сущность со-знания, мышления. В этом смысле можно говорить о мышлении как чуде.

Итак, мышление — это общение. И мир, в котором мы себя находим, упорядочен мыслящим духом наших предков, наших старших современников, предвосхитивших в мире, как упорядоченном бытии,

появление каждого из нас. Любой элемент мира, который с точки зрения обыденного понимания мыслится как сам по себе сущий, на самом деле несет в себе содержание, выявленное и вместе с тем определенное в нем активностью со-знания, осуществляемого сообществом людей. Это, конечно, не отменяет независимого существования любого предмета, но только как *пред-мета*, *пред-метнутаго*, пред-брошенного, предпосланного, чужого, непонятного и, как правило, не-за-метного. В мышлении предпосланный предмет становится вещающей вещью, открывающей нам (нам, а не мне) свое подлинное (подноготное) содержание. Вещь появляется из *пред-метной* неопределенности бытия в мире благодаря нашему обращению к ней, включению ее в круг нашего общения. Именно в силу того, что мы, вопрошая предпосланным предметам, превращаем их в вещающие вещи и тем самым претворяем неопределенность бытия в определенную упорядоченность мира, мы и можем рассматривать себя в качестве субъекта, т.е. суверена, обладающего собственным, внутренним содержанием. И, следовательно, суверенность как внутреннее определение субъекта может быть понята в онтологическом смысле. При этом важно все время удерживать понимание суверенности как со-знающего субъекта.

Вместе с тем суверенность, т.е. внутреннее самоопределение субъекта, не может не быть объективированно. Выражением его объективации является в буквальном и строгом смысле собственность, которую мы и наблюдаем в разных модальностях в зависимости от той или иной культурно-исторической эпохи — т.е. характера общения (сознания), ее объемлющего. Но благодаря чему мы ее можем наблюдать? Через что она является? Какова механика явления собственности?

Ответ на поверхности. Он до очевидности прост. Ведь если общение как мышление-сознание есть универсальная форма деятельности, то и собственность является через деятельность, которая, с одной стороны, являет миру собственность, а с другой — являет сам мир как действительность. Ведь действительность производна от деятельности: тотемных существ, богов, демонов, космического Логоса, Создателя и его Логоса. Каждый из таких «ответственных» за действительность несет в себе свою суверенную собственность, которая интегрирует в себе все модальности общения, реализуемые людьми в контексте соответствующего мировоззрения. Отсюда понятно, что с философской точки зрения в любом случае деятельность рассматривается как прерогатива человека, который ее (деятельность) как бы перенаправляет в умозрительную область сверхчеловеческих сущностей. И для философии важно понимать, с чем связана та или иная модальность суверенности — деятельности — собственности.

Если мы обратимся к истории философии, то увидим, что размышление о своем, собственном, суверенном было для нее первым и, по сути, единственным на протяжении многих веков. Строго говоря, философская проблематика начинается именно с вопрошания о том, что для мыслящего существа является самым значимым, существенным, т. е. сущим по преимуществу. Но что может быть более существенным, чем свое, собственное? Другими словами, вопрос о собственности — это вопрос о первоначале, о том, с чего начинается мир как устроенное бытие. И коль скоро мир — это бытие, устраиваемое нами и каждым из нас, то, стало быть, вопрос о собственности — это вопрос о том, что мы находим в себе как безусловное, самоочевидное, само себя обосновывающее и представляющее.

Вопрос о собственности предстал основным вопросом философии задолго до его и гоббсовской, локковской и тем более Марксовой интерпретаций. В связи с этим вспоминается история Алкивиада, решившего приобщиться к мудрости Сократа прежде, чем заняться политикой. Именно в диалоге «Алкивиад I» философская платоновско-сократовская мысль открывает проблематику собственности как своего, в модальности «самое само», очевидно, апеллируя к дельфийскому императиву: «Познай самого себя». Ибо как можно управлять кем-то, не зная того, что он такое есть? И как возможно знать существенное в другом, не зная существенного в себе? «А если мы не знаем собственных свойств, то не знаем и того, что к ним относится. Всякий, кто не знает своих свойств, не может знать соответственно и свойств других людей. А если он не знает свойств других людей, он не будет знать и свойств государства» [1, с. 263].

В контексте данного размышления важно учитывать то, что Платоном принимается по умолчанию, можно сказать, «априорно» предполагается: к чему относится — *относит себя* — «самое само», сущностное, собственное Алкивиада. Оно относится — к политическому, общественному. А из истории мы хорошо знаем о героической судьбе этого человека. Что, по всей видимости, сказалось и на том месте, какое фигура Алкивиада заняла в учении Платона, которое, вероятно, несет онто-космо-полисную (-социальную) нагруженность, в том смысле, что оно ориентировано на восстановление или удержание рушащегося общественного уклада жизни, воплощающего совершенство космоса. Другими словами, полис в сознании Сократа, Платона, Алкивиада (как подлинных эллинов) — это осуществляющийся в совершенстве своего содержания космос.

Вместе с тем диалогическая форма выражения со-знания не только точно воспроизводит структуру философской мысли, но и подчеркива-

ет ее социально-коммуникативный, т. е. общительный, опять же полисный характер. В гласном, внятно артикулируемом слове, улавливается, «ловит себя» «самое-само». То есть то самое существенное, несомненное свое, собственное, за которое и Сократ, и Алкивиад героически-торжественно отдают жизнь. Вспоминая Маяковского, можно сказать, что платоновский диалог — это способ переработки «тонн словесной руды» ради обнаружения нескольких, *безусловно стоящих, настоящих слов*, от которых «срываются гроба шагать четверкою своих дубовых ножек».

Понимание собственности Платона в контексте проблематики основательности своего, неотъемлемого начала сопряжено с преодолением превратного его толкования, имеющего длинную историю, начало которой положил Аристотель. Между тем не так трудно увидеть, что его критика отчасти направлена в ту область, которую Платон не затрагивал, а отчасти оказывается не критикой, а подтверждением его учения. С одной стороны, Платон не был противником частной собственности как таковой. Он умалял ее значимость только по отношению к правителям (стражи и философы)¹, олицетворяющим и воплощающим собой всеобщий принцип мироустройства. С другой стороны, Аристотель сам говорит о собственности как элементе домашнего хозяйства, который существует только в соотнесенности с прочими семейными отношениями (господство, отцовство, брак). Кроме того, не будучи самодовлеющим, семья (домохозяйство) вполне осуществляется только в рамках полисной всеобщности, гарантирующей состоятельность всем ее элементам, собственности в том числе.

Итак, можно сказать, что и у Аристотеля, если речь и идет о частной собственности, то только в подчиненности принципу полисной всеобщности. Философская мысль в слове артикулирует то, чем уже полнится мир. В слове исполняются сущности вещей мира. И то, что мы находим в сочинениях Аристотеля или Платона, является лишь предельной формой выражения в целом того, чем жили граждане Афин, Спарты, Коринфа и т. д. Что касается собственности, то ее «общинное» понимание в Древней Греции, а позже и в Риме, хорошо иллюстрируют примеры того, как политическая элита могла быть расточительна, стремясь привлечь на свою сторону народные массы, и то, как та же элита могла быть уничтожена или изгнана с родины, а ее богатство — отчуждено в пользу отечества или официальных его представителей.

По отношению к Средневековью может показаться, что в горизонте церковного догматизма христианскую мысль мало интересовал вопрос

¹ Не говоря уже о том, что все рассуждения о собственности в диалоге «Государство» не должны пониматься буквально, а только — по аналогии. Ведь речь идет о справедливости как добродетели, определяющей содержание души человека.

о собственности и тем более о суверенности. Тем не менее специалисту по истории раннего христианского богословия не трудно было бы показать, что уже евангельские тексты полны сюжетов, в которых на первое место выходит проблема подлинно «своего», «собственного». Ведь борьба, которую вели Святые Отцы за торжество Церкви, было не чем иным, как утверждением новых принципов мироустройства, стержнем которого становилось единство верующих душ. Вера превращала индивидуальность, потерявшуюся в руинах имперского космоса, в личность через опыт жертвенной любви, открывающей новые начала разумности мира. Мы почему-то не привыкли восторгаться духовно-интеллектуальными результатами, достигнутыми на Вселенских соборах. А между тем догматы, невероятным трудом принимаемые на протяжении нескольких столетий, в определенном смысле были более значимы для цивилизационного развития, чем философские системы Античности. Платон и Аристотель, неоплатоники, не говоря о стоиках, киниках, скептиках и т. д., свидетельствовали о завершении эпох. Религиозная догматика христиан, а позже мусульман, торжественно провозглашала о начале нового мира. Следует помнить, что догмат есть специфически выраженный результат соборного со-знания, устанавливающего безусловные, аксиоматические основания бытия человека, которые проявляются, как в самом стиле мышления, так и во всех сферах жизни людей.

Обращает на себя внимание то, что социально-политическое содержание понятия «религия» в христианском сознании трансформировалось в мистическое². При этом само мистическое, хотя и «перешло» в сферу трансцендентного, непостижимого сверхсущего, таковым оказалось только в рациональном сознании языческой индивидуальности. «Credo» Тертуллиана обнаружило новый стиль духовно-интеллектуального опыта, который феноменально и оставался персонифицированным, но сущностно черпал свое содержание в изначальном утверждении жертвенного отношения к другому. То есть *credere*, придя на смену *cogitare, reflectere, ut ratio*, утвердило априорную имманентность самозабвенной любви к ближнему, создающую и особый стиль жизни, и особую форму самосознания. Отсюда те приоритеты в отношении собственности, которые, конечно, не отменяли совсем наследия пред-

² Между гражданским, политическим и сакральным у римлян не было принципиальной разницы. Само политическое как *Imperium* было высшим проявлением космического, божественного. Отсюда — культ поклонения предкам, породивший институт патрициев, перешедший в свою противоположность — институт трибунов, представителей народа, который своим согласием являл Глас Божий. *Religio* — политическая связь как общение между гражданами — и была предметом священного почитания.

шествующих эпох. Так *feodum* можно признать цивилизационным наследником римской *villa*. Тем не менее его достоинство предполагало служение персонам, претендующим на подлинную суверенность (папа, император), обеспеченную авторитетом церкви.

Самосознание, опирающееся на догматические очевидности теоцентрического мировоззрения и канонически контролируемое церковью, исключало проблематизацию любого элемента мироустройства. Все безусловно декларировалось и гарантировалось «в начале бывшем Словом». Проблемы возникали по поводу верности исполнения заветов и следования принципам. Статус же агентов, их реализовывавших, оставался непоколебимым до тех пор, пока последние готовы были им следовать.

Раскол церкви 1054 г. был, пожалуй, первым значимым проявлением кризиса христианского самосознания. Далее: Крестовые походы, начинавшиеся на волне религиозного энтузиазма, за сто лет переродились или в экзальтированную невменяемость (Детский крестовый поход), или в карательные операции против «отпавших» от церкви христиан (Альбигойский крестовый поход). Далее: борьба между папами и императорами за первенство во власти. Далее: дискредитация папского авторитета, а вместе с ним — западной церкви, приведшая к Реформации и стремительному упадку католической доктрины, оказавшейся догматически бессильной и против религиозного еретизма, и против аргументов, которыми оперировали пионеры новой ментальности.

Средневековье заканчивается Реформацией, а Новое время начинается обнаружением начал, оснований, на которые бывший христианин мог бы опереться во Вселенной, не имеющей границ. Героический энтузиазм Дж. Бруно завершает эпоху верующего сознания. Судя по тому, что написал бывший доминиканский монах, можно предположить, что его самопожертвование было мотивировано основаниями, для него самого вполне очевидными, но еще не достигшими внятной артикуляции. Внятным было не его слово, но — его поступок, которым выразилась сущность «героического энтузиазма», продемонстрировавшего никому пока не понятный принцип своего, собственного, суверенного, самодостаточного основания. Множество старших и младших современников Бруно интуитивно улавливали и, насколько позволяли обстоятельства, подтверждали его правомочность. Был открыт источник новой творческой энергии, но еще не постигнута его природа. Мореплаватели, пираты, политические и бытовые авантюристы, ученые, финансисты своим поведением свидетельствовали о практическом знакомстве с ним. Именно этими представителями ничтожного «третьего сословия» по мере усиления их роли во всех сферах жизни общества

стала осознаваться потребность в апологии их деятельности и легитимации их социального статуса.

Суверенность и суверенитет — проблема буржуазии, в центре которой находится вопрос о собственности. Макиавелли, сделав сущность политического управления предметом теоретического анализа, уже предвосхитил интеллектуальные настроения наступающей буржуазной эпохи. И это закономерно. Ведь именно в Италии, а точнее в североитальянских городах-республиках, начиналась история буржуазии. Купцы и банкиры Венеции, Милана, Флоренции, Генуи заложили фундамент того, что к XIX столетию начало приобретать черты мировой капиталистической системы. Конечно, их влияние даже в Средние века распространялось далеко за пределы экономической сферы. Достаточно вспомнить торговую экспансию венецианцев и генуэзцев, приобретавшую военно-политический масштаб. Тем не менее экономический интерес в ней оставался определяющим, что, по-видимому, и привело к утрате политической самостоятельности этих городов, правители которых не сумели разрешить частные противоречия интересов своих граждан, так и оставшихся только банкирами, купцами, ремесленниками. Поэтому для Макиавелли потенциал суверена и мог реализоваться в фигуре политика, ловко манипулирующего разрозненными интересами *своих* подданных³. Но из истории хорошо известно, что такая модель общественного устройства оказалась крайне неустойчивой. Экономическая мотивация эффективна только при неограниченном доступе к ресурсам.

После пирровой победы католическо-монархической аристократии торгово-ростовщические накопления получили новый, неэкономический импульс развития. Их держатели были вынуждены перебраться с благодатных земель Италии и Испании на гораздо менее привлекательные для торговли и земледелия скалистые горы Альп и почти непригодные для жизни болота фландрийского Нижеземья. Казалось бы, невероятно, но именно здесь в течение XVI и XVII столетий конституируется новый тип общества, представители которого содержанию своей частной экономической предприимчивости смогли придать не только политическое выражение, но — и наполнить ее такой степенью интенсивности, что она обрела масштаб цивилизационной стратегии. Именно в Швейцарии и Нидерландах конституируется не просто новый класс, а класс вообще как новая форма социальной организации людей, создавших небывалый способ *деятельности*, переформатиру-

³ После Ж. Бодена концепция ловкого манипулятора облагораживается идеей просвещенного монарха.

ющей прежний обветшавший жизненный уклад — l'ancien regime — в буржуазную *действительность* капиталистического мира.

Очень показательно то, что сегодня многие голландцы считают Р.Декарта своим философом. Видимо, справедливо полагая, что его основные произведения были написаны на их родине. Размышляя о началах достоверного знания, Декарт определил принципы буржуазного понимания суверенности. А мыслящее «Я», в качестве истока картины мира, явилось, пожалуй, самым лапидарным выражением принципа собственности. Оно в эпоху становления рационального эгоцентризма оказывается и самым радикальным его выражением, отчасти воспроизводя уже состоявшиеся в истории модальности, отчасти, предвосхищая целый комплекс грядущих определений собственности, характерных для буржуазного мира. Правда, потребовалось почти три столетия, чтобы наряду с фактическим становлением исторического гегемона осуществилось его концептуальное завершение. М. Лютер, Г. Гроций, Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо, А. Смит — всего лишь небольшая часть мыслителей, кто способствовал тому, чтобы буржуазия утвердила собственный суверенитет в противостоянии с духовенством и аристократией.

Отличительной чертой буржуазного определения собственности явилось отношение отчуждения, ставшее возможным благодаря утверждению идеалов частной индивидуальности, исторически ставшей следствием идейной мутации христианства. Здесь нет возможности обращаться к подробному анализу того, почему это произошло. Важно подчеркнуть, что человек как таковой переходит в совсем иную ипостась своего бытия. Из существа, олицетворяющего логосность божественного космоса (Античность), или благодатное подобие Творца-Спасителя (Средневековье), он превращается в субъекта, т. е. подлежащее всего сущего. Причем финальная стадия данного превращения происходит по историческим меркам мгновенно. Еще накануне Французской революции 1789 г. так называемое третье сословие униженно мыслило себя в терминологии традиционного общества. Но в знаменитом манифесте аббата де Сийеса уже улавливается основной мотив наступающей Новой истории — самодостаточность, самостоятельность, самодеятельность. И все это определило и определяет характер не сословия, не касты, но — класса. Буржуазия — это первый, а может быть, и единственный в истории подлинный класс.

Буржуазия в целом и каждый ее представитель в отдельности полагают себя как абсолютно свободное существо, само себя создавшее, независимо ни от кого действующее, само себя обеспечивающее, достигающее им самим поставленных целей. В порядке классовой самореализации буржуазия утвердила особые формы и нормы экономи-

ческой практики, морали, права, обеспечившие ей цивилизационное доминирование. Тем не менее буржуазный дискурс утаивает или стремится утаивать одну важную деталь, без которой ни одно из исторических достижений этого класса было бы невозможно. Эта деталь была обнаружена еще в самом начале буржуазной гегемонии. Ж.-Ж. Руссо в известных вступительных словах ко второй части «О происхождении неравенства...», пожалуй, впервые повел речь об отчуждении как принципе, благодаря которому утверждается способ отношения к тому, что рядом, и к тому, что далеко, господствующий в мире до сих пор: «Первый, кто, огородив участок земли, придумал заявить: “Это мое!” — и нашел людей достаточно простодушных, чтобы тому поверить, был подлинным основателем гражданского общества» [2, с. 72].

Гражданин, буржуа, горожанин, существо, оторвавшееся от земли, а вместе с тем от всего, что с ней связано, включая человека, декларирует свою свободу в отношении того, что находит вокруг себя, утверждая его как *свое* и демонстрируя свою суверенность. И здесь достаточно привести в качестве пояснения гегелевское постулирование примата частной субъективности по отношению к окружающим вещам: «Лицо имеет право вкладывать свою волю в каждую вещь, которая, благодаря этому, есть моя, получает мою волю как свою субстанциальную цель, — ведь в себе самой она не имеет такой цели, — как свое определение и свою душу; это — абсолютное право человека на присвоение всех вещей» [3, с. 103].

Именно такое основание критиковал К. Маркс, усматривая в основании капиталистического производства, т. е. деятельности, а стало быть, в основании всего буржуазного мироустройства принцип отчуждения. Принцип, который предполагает изначально и финально превращение человека в вещь, точнее сказать, в предмет, который можно наполнять содержанием, определяемым самим капиталистическим производством. Первичные способы отчуждения представлены и обобщены самим Марксом в 24-й главе первого тома «Капитала». Наконец, Маркс довел до полной ясности то, что его предшественники понимали как «присвоение». Для Маркса «присвоение» — это, прежде всего, «отчуждение», «эксплуатация», за которыми стоит безусловный частный произвол индивида-предпринимателя, что прекрасно вычитывается в гегелевском утверждении. «Отчуждение-эксплуатация» — стержень капиталистической деятельности предпринимателя-буржуа. В нем — исток его суверенности и начала буржуазного мироустройства — его истории.

Строго говоря, буржуазный мир впервые заявляет себя как история в том смысле, что он создается «на страх и риск» суверенного

предпринимателя. Человек создает историю и попадает в историю, когда заявляет себя энтузиастом, героем, которому не нужен ни Царь, ни Бог. Другими словами, самодеятельность индивида (не человека, который либо по образу и подобию, либо в согласии с космическим Логосом) превращает мир в историю. История тем самым становится полем отчуждения.

Конечно, можно сказать, что история как способ познания и даже как форма мировоззрения известна со времен Геродота. Такое утверждение будет верным только в том смысле, что исторический элемент всегда присутствовал в большей или меньшей степени в структуре любого мировоззрения, но никогда вплоть до XIX столетия не играл определяющей роли. Творя мир техники, мегаполисов, национальных, а сегодня — транснациональных — корпораций, буржуазия в истории утверждает свой цивилизационный суверенитет. Культивируя исповедуемые и транслируемые ею либеральные ценности частной инициативы, конкуренции, гражданских и политических свобод, буржуазия переводит внутреннюю суверенность людей во внешний суверенитет. И манифест, провозглашенный Ф. Фукуямой о победе либерализма и конце истории, очень символичен. Ведь, строго говоря, либерализм — первая в истории идеология. Все, что появилось позже, было в значительной степени реакцией на спекулятивный рационализм, частный индивидуализм, утилитаризм. Можно даже сказать, что либерализм и есть история, в том смысле, что последняя создается самодовлеющими субъектами. Парадокс же состоит в том, что самодовлеющий субъект, последовательно развивая принцип индивидуальной суверенности, от отчуждения сущности вещей переходит к отчуждению в форме эксплуатации сущности человека, а в конце концов — к отчуждению в форме самозабвения своей собственной сущности.

Либерализм как идеология буржуазии победил в том смысле, что он финишировал первым в истории, которую он и создал, создает и олицетворяет. Его «победный» финиш — это, в самом деле, конец истории, завершение, свершение самого себя, в отрицании себя самого в своих элементарных составляющих. Спекулятивный рационализм перерождается в тотальное программирование и технику манипуляции. Цифровое измерение виртуального пространства (вспомним гоббсовское «познавать — значит исчислять») демонстрирует отчуждающую прагматику во все более изощренном репродуцировании симуляций и фальсификаций, которые становятся тем более эффективными, чем более обособленными становятся люди, чем меньше они сохраняют непосредственного, живого общения; чем более они доверяются искусственным, контролируемым извне, средствам коммуникации. Утрата

живого общения с другими людьми означает утрату себя самого, своего собственного основания, своей суверенности. Но и мир в таком случае перестает быть миром. Ведь мир — это, прежде всего, ни к чему не редуцируемое, ничем извне не обусловленное человеческое общение.

Частный индивидуализм, как следствие, перерождается в сетевую систему персонально программируемых особей, взаимодействующих по регламентированным каналам и в ценностных нарративах, внедряемым по этим же каналам. Самодеятельность личности (предприимчивость, рискованность, ответственность) заменяется системой просчитанных реакций на регулярно преумножающийся поток раздражителей, нивелирующих ее (личности) качественное содержание. Понятно, что навязываемые раздражители не имеют никакого отношения к собственному интересу индивида. Вне живого общения (т. е. возможности критического анализа) и погруженный в транслируемый извне поток информации он непроизвольно принимает в себя ее содержание. На бытовом уровне это хорошо видно по результативности рекламных и пропагандистских акций.

Наконец, утилитаризм, который первоначально исходил из приоритета удовлетворения базовых потребностей личности, избавления ее от нужды, сегодня под пользой понимает удовлетворение искусственно генерируемых потребностей зачастую в ущерб тому, без чего человек действительно не может жить. Вместе с тем перерождение утилитаризма означает еще и выведение человека из естественной среды обитания. Искусственные потребности предполагают искусственные источники их удовлетворения. И человек, таким образом, оказывается в состоянии полного отчуждения, в котором и природа, и дух симулируются, или подменяются, киберреальностью, а проблема суверенной собственности размывается с исчезновением как внутреннего саморазличения субъекта (телесное-духовное), так и внешнего, так как окружающая его естественная среда заменяется виртуальной экосистемой.

Историческая субстанциальность буржуазного мира раскрылась в хронологической последовательности преодоления принципиального саморазличения (духовное — телесное, внутреннее — внешнее) субъективности, обнаруженного Декартом. После дискредитации христианских догматов, крепивших средневековый Запад, именно это различие стало центром, структурирующим мировой порядок с символическим самоназванием Новое время. С тех пор время, как неограниченная динамика внутреннего духа, противопоставило себя телесной статике протяженного космоса. И сегодня, очевидно, происходит завершение эпохи борьбы, конкуренции, прогресса, кризиса. Происходит заверше-

ние истории, угасание самодовлеющей субъективности и ее суверенной собственности. И только по косвенным признакам можно предугадывать очертания обновленной суверенности, внимающей Логосу жизненного пространства.

Литература

1. Платон (1990), Алкивиад 1, в: Платон, *Собрание сочинений: в 4 т.*, М.: Мысль, т. 1, с. 220–267.
2. Руссо, Ж.-Ж. (1969), Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства, в: Руссо, Ж.-Ж. *Трактаты*, М.: Наука, с. 31–108.
3. Гегель, Г. В. Ф. (1990), *Философия права*, М.: Мысль.

Статья поступила в редакцию 23 ноября 2022 г.;
рекомендована к печати 6 декабря 2022 г.

Контактная информация:

Кузнецов Никита Всеволодович — д-р филос. наук, проф.; nikita2554@mail.ru
Соколов Алексей Михайлович — д-р филос. наук, проф.;
docentsokolov@yandex.ru

Sovereignty and property in the history of European identity*

N. V. Kuznetsov, A. M. Sokolov

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Kuznetsov N. V., Sokolov A. M. Sovereignty and property in the history of European identity. *Philosophy of the History of Philosophy*, 2022, vol. 3, pp. 106–119. <https://doi.org/10.21638/spbu34.2022.107> (In Russian)

The article attempts to reconstruct the history of Western self-consciousness in the context of the development of the concepts of property and sovereignty. The author justifies the validity of this approach by the fact that it is the concept of one's own as the most obvious and pre-established that presupposes the possibility of posing a problem about the source of everything. After all, philosophy begins with it not only as a specific form of knowledge, but also as the highest form of self-consciousness of Western civilization. In addition, the anthropological domain inherent in the philosophical thought of the theoretical and contemplative sets the practical aspect, which is grasped by the concept of sovereignty. The author consistently examines the ancient, medieval, New European and modern periods of Western history, reconstructing the dynamics of the understanding of property and sovereignty, which reflected the main features of civilizational development. The article emphasizes that during the period of ancient cosmocentrism, an aesthetic understanding of one's own was

* The article was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation (Project no. 22-28-00779 Sovereignty and “Sovereignty: logic and antinomies of global civilization”).

formed, realized through its public demonstration in artistic and political amateur activities. The theocentrism of the Middle Ages “reoriented” the understanding of one’s own to the inner content of human existence, fundamentally contrasting the intimate essence of the personality with the tempting sinfulness of the surrounding reality. The New European egocentrism, following in the paradigm of speculative rationalism, the essence of property and, as a consequence, the manifestation of the sovereign status of the individual, confirmed in the active resolution of the contradiction of internal and external, deployed in the temporal dimension of historical reality. According to the author’s point of view, the essence of the bourgeois world, in which the fundamental opposition of self-sufficient subjectivity and a natural element distinct from it was embodied, was expressed by the universality of world history. And the main contradiction that characterizes the present state of modern civilization is determined by the gradual blurring of the boundaries that structure the essence of subjectivity, and indicates the loss of its sovereignty and productive potential.

Keywords: subjectivity, property, sovereignty, communication, activity, bourgeois civilization, alienation, history.

References

1. Plato (1990), Alcibiades 1, in: Plato, *With Soc.:* in 4 vols, vol. 1, Moscow: Mysl’ Publ., pp. 220–267. (In Russian)
2. Rousseau, J.-J. (1969), Reasoning about the origin and grounds of inequality, in: Rousseau J.-J. *Treatises*, Moscow: Nauka Publ., pp. 31–108. (In Russian)
3. Hegel, G. W. F. (1990), *Philosophy of Law*, Moscow: Mysl’ Publ. (In Russian)

Received: November 23, 2022

Accepted: December 6, 2022

Authors’ information:

Nikita V. Kuznetsov — Dr. Sci. in Philosophy, Professor; nikita2554@mail.ru

Alexey M. Sokolov — Dr. Sci. in Philosophy, Professor; docentsokolov@yandex.ru